

ПРИМЕР САМОЗАБВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ ИСКУССТВУ

ВЕЧНО ЖИВОЙ И ЛЮБИМЫЙ Я СЛУШАЛ ЕГО

Константин Сергеевич Станиславский, столетие со дня рождения которого отмечает цивилизованный мир, для нас, его учеников, — человек и сегодня живой, любимый и великий учитель. Его роль реформатора русской сцены, поборника реализма, правды жизни, создателя и строителя Художественного театра переоценить невозможно. Его гений актера и режиссера переживает века. Его этическое учение художника важно не только для людей театра, но и для всех, кто творит для народа.

Я хочу очень коротко поделиться воспоминаниями, характеризующими Станиславского — актера, режиссера, учителя сцены.

День знакомства со Станиславским, отстоявший на много десятилетий от нынешней зимы, начался с предметного урока театральной этики. Меня только что приняли в труппу, молодого тогда, Художественного театра. Как-то утром я шла по декорационному сараю за сценой. И увидела Станиславского. Очень большой, красивый, он шел на цыпочках, едва касаясь пола, совершенно неслышно. Было странно видеть этого огромного человека почти летящим над землей — так легко он двигался. Поравнявшись со мной, он шепотом сказал: «Вы поняли, почему я так иду? Ведь рядом — сцена. И, может быть, там репетируют. Поэтому ничто не должно мешать тем, кто работает для театра, поэтому вокруг должно быть очень тихо. Вы поняли?»

Первое знакомство со Станиславским мне многое объяснило, подгото-

С. ГИАЦИНТОВА,
народная артистка СССР
о К. С. СТАНИСЛАВСКОМ

☆☆

вило меня к дальнейшему: к резкому, нетерпимому отношению Константина Сергеевича ко всякой, малейшей даже, неуважительности к работе актера; к его благоговейному, никогда не ослаблявшемуся вниманию ко всему, что касалось дела театра.

Каждая репетиция Станиславского-режиссера, в которой мы — тогдашняя зеленая молодежь — участвовали, была целым университетским курсом мастерства актера.

Для Станиславского не было понятия невозможно в искусстве. Его фантазия гения подстегивала, торопила, не давала передышки нам — его ученикам. Он предъявлял к нам требования поистине «станиславского масштаба». Приходилось тяжело, но и пользу приносило ни с чем не сравнимую.

...Шла репетиция «Баладины» классика польской литературы Юлиа Словацкого. Мария Алексеевна Успенская и я играли эльфов. Внезапно Константин Сергеевич потребовал, чтобы мы... летели и встречались в воздухе. Передать нашу обескураженность, недоумение, испуг я не в состоянии и сегодня. Но он так увлеченно рассказывал нам, что для сказочных обитателей леса полет — естественное физическое состояние, что, наконец, мы прониклись ощущением легкости, надземности изображаемых существ. Конечно, Станиславский понимал, что Успенская и Гиацинтова летать не могут. Но его режиссерская выдумка, мудрость и богатство фантазии, безжалостная требовательность достигли цели: исполнительницы должны были уловить суть образа и тогда как бы сам собой мог возникнуть характер эльфа.

Список ролей самого Станиславского очень велик. Тонкий психологизм пьес Чехова, накал страстей трагедий Шекспира, юмор Мольера, гражданственность Горького, насмешка и сарказм Грибоедова, человечность Ибсена, свет бессмертной мысли Пушкина — не было, кажется, на земле актера столь широкого диапазона, столь необятных сценических интересов, столь неограниченных возможностей. Я могу на этой малой газетной «жилплощади» лишь очень конспектно

рассказать об одной роли Константина Сергеевича. Остановлюсь на спектакле, где я имела счастье играть рядом со Станиславским.

В комедии «На всякого мудреца довольно простоты» Станиславский играл Крутицкого. Как всегда приходил он в театр задолго до начала спектакля. Гримировался не спеша, одевался медленно, ничем не отвлекаясь. Еще до выхода на сцену стоял в кулисе, но стоял не как Станиславский, а как Крутицкий. Самодовольное, идиотски-самодовольное лицо тупого барина, воображающего себя большим умником: осанистая, упитанная, удивительно глупая фигура; даже руки — тонкие, изящные, большие и сильные руки Станиславского выглядели какими-то дурацкими. Станиславский был уже поглощен своим Крутицким, а Крутицкий уже был занят своими глупыми мыслями. Не было человека, который бы осмелился в такую минуту подойти к Станиславскому. Любим, даже жизненно важный вопрос, показавший бы святотатством.

Каждый раз Крутицкий Станиславского был иным. Каждый раз, как только Константин Сергеевич выходил на сцену, появлялось ощущение, что он играет впервые — так свежо, интересно, уморительно смешно было каждое действие исполнителя.

Отыграв свою сцену, Константин Сергеевич-режиссер следил за тем, как играли все мы — от Качалова-Глумова до Лилиной — Турусиной. Она была женой Станиславского, но к ней предъявлялись те же требования, что и к любому члену труппы Художественного театра.

...Идет третий акт. Сцена Турусиной и Машеньки. В кулисе я вижу Станиславского, который внимательно смотрит на нас, и маленькие, лишенные мысли, глаза Крутицкого вдруг обретают пристальность и пронзительность внимательных глаз Станиславского. Я обмираю и после спектакля прошу его не смотреть на меня во время действия. Он задумался, крикнул и сказал: «А я все не за вами слежу. Я хочу, чтобы вы сами мне рассказали потом, как играла Лилина или Муратова (Муратова тоже играла Турусину). Вот будьте внимательней и в следующий раз расскажите мне, как она подняла руку прежде чем положить ее на спинку стула, как повернула голову и улыбнулась»...

Так он учил меня, неразумную и неопытную, собирать свое внимание — внимание будущей актрисы, которая должна уметь отвлечься от всего, что она видит вне сцены, но зато на сцене вокруг видеть все. Это и был урок на общение — предметный урок того, как надо «налаживать взаимоотношения» со своим партнером по сцене, общаться с ним, играть не только «себя».

Так в каждом своем слове и каждом поступке Станиславский представлял великим учителем. Его уроки, его пример учили преданности искусству, чистому, бескорыстному и самоотверженному отношению к театру, как к главному делу жизни артистов.

В доме Станиславского

Уже сам по себе этот дом в центре столицы, в Леонтьевском переулке — чудо. Чудо потому, что созданный в половине XVIII века руками крепостных умельцев, он уцелел во время пожара Москвы. Еще более чудесным делает его то, что здесь провел последние 17 лет своей жизни замечательный актер, режиссер, педагог, теоретик театра К. С. Станиславский.

...Широкая деревянная лестница с резными перилами ведет на второй этаж. Через синюю приемную попадаешь в светлый зал с маленькой эстрадой, украшенной белыми мраморными колоннами.

В этом доме Константин Сергеевич написал ставшие всемирно известными книги «Моя жизнь в искусстве», «Работа актера над ролью». Материалом для них послужила вся жизнь гениального мастера сцены, более 100 его ролей, десятки спектаклей, поставленных в обществе искусства и литературы, во МХАТе и его студиях.

Тяжело больной, лишенный возможности бывать в театре, Станиславский ни на минуту не перестает жить его жизнью. В своем кабинете, в уголке, у круглого стола с лампой под абажуром, работал Станиславский над одной из последних постановок — «Мольером» М. Булгакова. В белом зале участники этого спектакля — В. Станицын, М. Янишин, А. Степанова, Б. Ливанов и другие показали ему рабочие мизансцены спектакля. Сюда приходили со своими сомнениями и вопросами, приносили свои планы и недоумения многие его ученики.

Т. СТРИКОВСКАЯ.
(Корр. ТАСС).

Мне в жизни выпало счастье видеть и слышать великого русского актера и режиссера Константина Сергеевича Станиславского. В ту пору (это было в 1936 году) я учился в Москве в театральном институте. Константин Сергеевич читал нам курс лекций почти два месяца. Как сейчас вижу его умные, живые глаза и необыкновенно энергичные для возраста движения (ему тогда было уже больше 70 лет). Правда, я не все понимал, потому что еще слабо владел русским языком, но зато стенографические записи его лекций, которые нам, иностранцам, тогда вручали, остались со мной на всю жизнь.

Я играл в спектаклях и до учебы в Москве, но после лекций гениального актера, который сам сыграл более 100 ролей, моя жизнь в искусстве осветилась иным, новым светом. С тех пор вот уже 27 лет каждый раз, как только я приступаю к новой роли, передо мной, словно живой, встает замечательный русский актер, требовательный, непримиримый к малейшей фальши. Правда, почти всегда получается, что мне приходится играть «злодеев» — отрицательные роли, особенно в наших, тувинских пьесах. Но и в этих ролях нужна правдивость и убедительность, чтобы зритель видел перед собой действительно врага, а не подделку.

В пьесе Саган-оола «Осуществленная мечта» играл контрреволюционера Хорлукпана, в «Одном сельсовете» (этого же автора) Чудекпена — врага колхозного строя. И только в спектакле «Пробуждение», видимо, «по какой-то случайности» я играл положительную роль — деда. С большим удовольствием участвовал во многих советских переводных пьесах — «Русских людях» Симонова, «Мятеже» Фурманова, «Иркутской истории» Арбузова и других.

В каждом спектакле я стремлюсь к наибольшей выразительности, выпуклости образа. Вспоминаю один забавный случай. Мы ставили китайскую пьесу «Тайфун», в которой я играл слугу Лу-Гуй. В одной из сцен этот слуга должен был быть пьян, что я и показал. В антракте ко мне подошел директор и стал исследовать, не пьян ли я на самом деле. К его удовольствию он убедился в моей абсолютной трезвости.

Мы, актеры старшего поколения, хотим, чтобы молодежь, которая примет от нас эстафету искусства, была бы преданной ему до конца, чтобы она до самозабвения любила свой благородный труд актера.

Пусть всегда и во всем помогает моим собратьям по искусству гений реформатора русской сцены.

В. КОК-ООЛ,
заслуженный артист РСФСР.

Человек с большой буквы

Я не видел Константина Сергеевича, этого корифея искусства, замечательного педагога и Человека с большой буквы, но видел и знаю его неутомимых последователей, восхищаясь ими, учусь у них.

В самые трудные минуты своей работы заново возвращаюсь к книгам и советам Константина Сергеевича. Смелость в работе, вера в людей, высокая культура — отличительные черты Станиславского, которого не хватает порой нам, поборникам искусства.

Искусство заключается в том, чтобы в неестественном положении быть естественным, как в обычной жизни, органичным. Одним из основных элементов внутренней жизни человека

является чувство. Вне чувства человек не существует, в любой отрезок своей жизни он что-то делает. Сущность открытия системы Станиславского и заключается в том, что он нашел точную и прямую взаимосвязь между действиями человека и его чувствами.

Это — наше достоинство, через него мы можем в достаточной степени выполнить свою миссию перед советским зрителем, через него можем проложить прочный мост к дорогим нашим зрителям.

Пусть всегда светит нам вечный, неугасимый огонь сердца Человека с большой буквы.

С. ОЮН,
режиссер республиканского музыкально-драматического театра.

Поборник правды жизни

Я пришел в театр из самодеятельности. И потому для меня учение К. С. Станиславского особенно дорого и необходимо. Его книги «Моя жизнь в искусстве» и «Работа актера над ролью» являются постоянными спутниками моей жизни. Я читаю и перечитываю его заметки о том, как необходимо и важно для актера работать над ролью до тех пор, пока не добьешься сценической правды, полного перевоплощения. Меня всегда поражают в его трудах, в отзывах о нем его неистощимая режиссерская выдумка, богатство фантазии, а главное — исключительное трудолюбие.

За небольшой срок (десять с небольшим лет) моей работы в театре мне пришлось исполнять самые различные по своему характеру роли — от стариков до молодых людей. С большим удовольствием вживался я в образ Мартына Крутойрова из пьесы Зорина «Вечный источник», рассказывающей о великом вожде В. И. Ленине. Я сразу заметил, что образ крестьянского вожака Крутойрова чем-то напоминает Нагульнова из «Поднятой целины». Пришлось перечитать много литературы, снова и снова вживаться в эту роль. Зрители тепло встретили моего героя, а для меня это самое большое счастье.

А вот другой образ — забитого крестьянина Никиты из «Власти тьмы» Л. Толстого. Зная о том, как любил

Константин Сергеевич Станиславский великого русского писателя, я обратился к трудам актера и нашел там немало ценных советов о том, как работать над произведениями Л. Н. Толстого.

По душе мне была роль Сергея в пьесе Арбузова «Иркутская история». Этого простого советского парня я полюбил за его чистое отношение к труду, товарищам, любимой женщине.

В любой роли, за какую бы я ни взялся, стремлюсь прежде всего к жизненности, правдивости образа. Я знаю, каким поборником правды жизни, естественности образа был К. С. Станиславский. И если я хоть в какой-то степени достигну этого, считаю для себя большой удачей. Сейчас я работаю над ролью Ивана Ивановича Терехина в пьесе «Старый дурак» К. Финна. Мой герой пришелся мне по душе, и я постараюсь, чтобы и зрители его полюбили.

В заключение хотел бы сказать о моей заветной мечте — сыграть роли великих людей нашей советской эпохи — Максима Горького и Владимира Маяковского. И если наш театр когда-нибудь решит воплотить их образы на сцене, я буду бесконечно счастлив принять участие в этих спектаклях.

Ю. ПЧЕЛОВ,
артист республиканского музыкально-драматического театра.

ВСЕГДА ЖИВОЙ

Сегодня все прогрессивное человечество отмечает знаменательную дату в истории нашего советского театра. Для нас, актеров далекой периферии, учение Станиславского вдвойне дорого, потому что мы не имеем возможности регулярно смотреть спектакли театров столицы, а также других крупных городов нашей страны.

Когда я в конце Великой Отечественной войны пришел в наш тувинский театр, первое, что я сделал, это перечитала труды Константина Сергеевича Станиславского, хотя и в театральном училище мы изучали его систему. В моем представлении, да оно так и есть, — это умный, тре-

бательный педагог, добивавшийся от актера большой жизненной правды.

За восемнадцать лет работы в театре мне довелось сыграть много ролей, исколесить всю нашу республику вдоль и поперек. И если зрители встречают мою роль и исполнение ролей моими товарищами горячими аплодисментами, это для нас самое дорогое. Нет для нас ничего выше служения народу. Так считал и замечательный русский актер К. С. Станиславский.

Е. КЕНДЕНБИЛЬ,
артистка республиканского музыкально-драматического театра.

